ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

ЭФФЕКТ СТЕКЛЯННОГО ДОМА

Когда все твои тайны видны насквозь...
Хрупкий мир, где негде укрыться

Валентина Садыкова

«Эффект стеклянного дома»

«Автор»
2026

Садыкова В.

«Эффект стеклянного дома» / В. Садыкова — «Автор», 2026

> Чтобы спасти брак на грани развода и расплатиться с многомиллионными долгами, архитектор Максим Соколов и его жена Алина соглашаются на закрытый поведенческий эксперимент. Им предстоит провести тридцать дней в ультрасовременной умной резиденции «Аврора» посреди глухого карельского леса под круглосуточным видеонаблюдением. Условия просты: никакого контакта с внешним миром, полное соблюдение контракта — и сорок пять миллионов рублей на счете в финале.

© Садыкова В., 2026
© Автор, 2026

Валентина Садыкова «Эффект стеклянного дома»

Глава 1. Прозрачные стены

Дорога к резиденции «Аврора» напоминала шрам, прочерченный тупым лезвием по замерзшему телу карельского леса. Последние сорок километров асфальт окончательно сдался под натиском ноября, уступив место укатанной гравийке, зажатой между стенами вековых сосен. Фары внедорожника выхватывали из густых, сизых сумерек голые стволы, похожие на частокол, и редкие полосы раннего снега, забившегося в придорожные канавы.

Алина сидела на пассажирском сиденье, прижав ладонь к холодному стеклу. В салоне пахло дорогим кофейным ароматизатором, влажной шерстью её пальто и тем особым, едва уловимым напряжением, которое появляется между людьми, слишком долго молчащими о главном.

— Осталось три километра, — голос Максима прозвучал чересчур бодро, словно он репетировал эту фразу всю дорогу от Сортавалы. — За поворотом будет шлагбаум. Система считает номера автоматически, так что даже выходить не придется.

— Удобно, — отозвалась Алина, не поворачивая головы. — Особенно если учесть, что ближайший живой человек отсюда в часе езды.

Максим бросил на неё быстрый взгляд. В зеленоватом свете приборной панели его лицо казалось осунувшимся, под глазами залегли глубокие тени, но в уголках губ уже играла та самая мальчишеская улыбка, в которую она влюбилась восемь лет назад. Улыбка человека, стоящего на пороге триумфа.

— В этом и смысл, Алин. Полная изоляция. Никакого информационного шума, никаких звонков от кредиторов, никаких бесконечных правок от заказчиков. Только ты, я и проект, который вернет нам всё.

«Всё» — это слово повисло в воздухе, тяжелое и неуклюжее. За последний год «всё» успело сжаться до размеров однокомнатной съемной квартиры на окраине Петербурга, стопки судебных уведомлений в ящике комода и тихого, унизительного пересчета купюр перед походом в супермаркет. Когда архитектурное бюро Максима лопнуло после скандала с обрушением перекрытий на одном из загородных объектов — пусть экспертиза и доказала вину подрядчика, сэкономившего на бетоне, — репутация Соколова рассыпалась быстрее, чем штукатурка в его старой мастерской. Заказы иссякли за два месяца. Алина бралась за любую реставрационную подработку, часами дыша растворителями над потемневшими иконами и частными портретами XIX века, но этих денег едва хватало на проценты по кредитам.

И тогда появился Виктор Кравцов.

Предложение пришло в тот самый вечер, когда Максим всерьез заговорил о продаже единственного, что у них оставалось от прошлой жизни — старой дачи под Выборгом. Кравцов, закрытый технологический магнат, чье имя редко мелькало в светской хронике, но регулярно всплывало в закрытых тендерах, выкупил старый проект Максима — концепт полностью автономного «стеклянного дома», интегрированного в природный ландшафт. Причем выкупил не просто на бумаге. Он построил его за восемь месяцев.

Условие для получения основного гонорара — суммы, способной одним махом закрыть все долги и дать старт новому бюро, — выглядело как каприз эксцентричного миллиардера. Автор проекта и его супруга должны провести в резиденции тридцать дней. Протестировать нейросетевой контур управления зданием, оценить эргономику в условиях суровой северной зимы и дать подробный отчет.

Никаких телефонов. Никакого интернета, кроме закрытого канала связи с куратором проекта. И полная видеофиксация всех общих зон для обучения алгоритмов поведенческого анализа.

— Ты ведь помнишь, что договор можно расторгнуть в любой момент? — тихо спросила Алина, когда внедорожник плавно затормозил перед массивными воротами из матового черного металла.

— И потерять семьдесят процентов выплаты? — Максим усмехнулся, но в голосе мелькнула сталь. — Нет, милая. Мы выдержим. Тридцать дней в пятизвездочном отеле посреди заповедника — не самая страшная пытка.

Красный глазок сканера на опоре ворот мигнул, сменился ровным изумрудным светом, и створки бесшумно разошлись в стороны.

То, что открылось за поворотом, заставило Алину невольно выпрямиться.

Резиденция «Аврора» не стояла на земле — она словно парила над скалистым уступом, нависающим над черной, зеркальной гладью лесного озера. Двухэтажное строение из темного термообработанного бруса, черного сланца и гигантских панорамных окон, в которых отражались верхушки сосен и низкое, тяжелое небо. Изнутри дом был залит теплым янтарным светом, отчего казался огромным фонарем, забытым кем-то на краю мира.

— Моя девочка, — выдохнул Максим, останавливая машину на вымощенной базальтом площадке. — Они реализовали каждый узел. Даже консольный вынос над водой сохранили без единой дополнительной опоры.

Он вышел из машины первым, жадно вдыхая морозный, пахнущий хвоей и дымком воздух. Алина медлила. Глядя на идеальную геометрию стеклянных стен, она вдруг поймала себя на странном, иррациональном чувстве. Снаружи дом выглядел как хрупкая драгоценность, выставленная в витрине. Но стоило представить себя внутри — под прицелом десятков невидимых объективов, в окружении черной пустоты леса — как по спине пробежал холодок.

— Пойдем, — Максим открыл её дверь и протянул руку. Ладонь у него была горячей, почти сухой. — Официальная приемка начинается в восемь вечера. У нас есть сорок минут, чтобы осмотреться и сдать телефоны в сейф.

Входная дверь из тяжелого дуба отворилась сама, стоило им подняться на крыльцо. Мягкий женский голос — настолько естественный, что Алина сначала оглянулась в поисках горничной, — произнес откуда-то сверху:

— Добро пожаловать домой, Максим. Добро пожаловать, Алина. Температура в жилых зонах двадцать два градуса, влажность сорок пять процентов. Если вам потребуется помощь, просто произнесите имя системы: «Аврора».

— Привет, Аврора, — широко улыбнулся Максим, сбрасывая куртку. — Переведи освещение в гостиной в вечерний режим.

Свет в огромном двусветном пространстве мягко приглушился, уступая место скрытой подсветке вдоль потолочных балок и живому огню, вспыхнувшему в биокамине в центре зала.

Дом поражал воображение. Никаких лишних перегородок: гостиная плавно перетекала в столовую и кухню с островом из черного мрамора; вдоль всей южной стены тянулось сплошное остекление от пола до потолка. За стеклом чернела вода озера, а дальше — бесконечная стена тайги. Казалось, стоит сделать шаг — и окажешься прямо над обрывом.

— Красиво, правда? — Максим подошел сзади, обнял её за талию и положил подбородок ей на плечо. — Скажи, что это стоило того.

Алина прикрыла глаза, позволяя себе на секунду опереться на него. От него пахло морозом и знакомым кедровым парфюмом. В такие моменты ей почти удавалось поверить, что последние пять лет не выжгли между ними ту невидимую, но прочную нить, которая когда-то делала их одним целым.

— Очень красиво, Макс, — честно сказала она. — Только немного... голо. Будто мы в аквариуме.

— Через два дня перестанешь замечать, — заверил он, отстраняясь. — Пойдем, покажу второй этаж. И нужно выполнить протокол запуска.

В кабинете на втором этаже, отделенном от холла стеклянной перегородкой с функцией электрохромного затемнения, на массивном столе лежал черный металлический кейс с биометрическим замком и тонкий планшет в матовом корпусе.

Ровно в 20:00 экран планшета ожил. На нем появилось лицо Виктора Кравцова. Он сидел в полутемном помещении — за его спиной угадывались лишь очертания книжных полок и мягкий отблеск настольной лампы. Кравцов выглядел моложе своих сорока пяти лет: короткая седеющая стрижка, безупречный темно-синий свитер с высоким воротом, внимательный, чуть насмешливый взгляд серых глаз.

— Добрый вечер, коллеги, — голос инвестора звучал ровно, без малейшего эха. — Рад видеть, что вы добрались без приключений. Максим, поздравляю. Вживую проект превосходит рендеры.

— Спасибо, Виктор Олегович, — Максим заметно подобрался, голос сразу приобрел деловые, уверенные интонации. — Качество исполнения на высоте. Я уже проверил узлы остекления и систему рекуперации — всё работает бесшумно.

— На это и был расчет, — Кравцов перевел взгляд на Алину. — Алина, как ваши впечатления? Не слишком суровый край для человека искусства?

— Здесь удивительный свет, Виктор Олегович, — ответила она спокойно, стараясь не выдать внутреннего напряжения. — Даже в сумерках.

— Прекрасно. Тогда не буду отнимать у вас первый вечер. Напомню лишь ключевые правила нашего соглашения, чтобы у нейросети не возникало конфликтов протокола. Первое: ваши личные смартфоны вы прямо сейчас убираете в депозитарный кейс на столе. Он заблокируется ровно на тридцать суток. Экстренное вскрытие возможно только через голосовую команду «Авроре» с кодовым словом «Авария», что автоматически означает досрочное прекращение контракта.

Максим без колебаний достал свой айфон, выключил его и положил в бархатную ячейку кейса. Алина помедлила секунду, бросила взгляд на темный экран своего телефона — последнее сообщение там было от матери, пожелавшей хорошего отдыха, — и опустила аппарат рядом. Крышка кейса мягко щелкнула, и индикатор на замке загорелся красным.

— Второе, — продолжил Кравцов. — Камеры и акустические датчики активны во всех помещениях дома, за исключением двух зон: главной спальни и ванной комнаты при ней. Это жестко зашито в аппаратный контур. Даже я не имею доступа к этим двум точкам.

— Мы читали договор, — кивнул Максим.

— Отлично. Раз в три дня система будет формировать для вас короткий опросник на этом планшете — ваши субъективные ощущения от микроклимата, акустики и сценариев освещения. Если возникнут технические сбои, пишите в чат куратора. Связь спутниковая, канал выделенный. Хорошего месяца, Максим. Берегите супругу.

Экран погас. В кабинете снова повисла тишина, нарушаемая лишь едва слышным шелестом вентиляции.

Максим шумно выдохнул, словно сбросил с плеч невидимый груз, и широко развел руками:

— Всё! Обратного пути нет. Через тридцать дней на наш счет упадут сорок пять миллионов рублей. Представляешь? Мы закроем ипотеку, выкупим помещение на Васильевском под твою мастерскую и заново запустим бюро.

Он шагнул к ней, схватил за руки и закружил по кабинету. Алина рассмеялась — впервые за последние недели искренне, легко. Напряжение, копившееся всю дорогу, начало отпускать.

Ужин они готовили вместе. В холодильнике нашелся идеальный набор продуктов, словно составленный по их любимому меню: свежая форель, спаржа, хорошее белое вино, которое Алина предпочитала всем остальным сортам, и даже редкий сорт сыра, который она покупала только по праздникам.

— Кравцов явно наводил справки, — заметила она, разливая вино по высоким бокалам. — Слишком точное попадание.

— У людей его уровня службы безопасности работают лучше, чем спецслужбы, — пожал плечами Максим, переворачивая рыбу на гриле. — Он вкладывает огромные деньги в разработку жилых модулей нового поколения. Ему важно, чтобы испытуемые не отвлекались на бытовой дискомфорт.

После ужина они долго сидели на диване перед биокамином. Максим рассказывал о новых проектах, о том, как переделает планировку старого фонда, о планах на весну. Алина слушала его, глядя на искусственные, но удивительно живые языки пламени, и чувствовала, как тепло вина разливается по телу, притупляя тревогу.

Около полуночи Максим зевнул:

— Я, пожалуй, пойду. Дорога вымотала. Ты скоро?

— Через десять минут. Допью вино и поднимусь.

Когда его шаги стихли на лестнице, в гостиной стало совсем тихо. Алина встала, подошла к панорамному окну. В стекле четко отражалась она сама: невысокая, стройная женщина в свободном кашемировом свитере, с темно-русыми волосами, собранными в небрежный пучок. За её спиной мягко светился камин, а сквозь её отражение проступала черная бездна карельской ночи.

Она посмотрела на угол потолка, где под темной стеклянной полусферой скрывалась одна из камер. Крошечный синий диод не мигал, но Алина знала — объектив смотрит прямо на неё.

«Аппаратный контур. Главная спальня и ванная полностью исключены», — вспомнила она слова Кравцова.

Алина поднялась на второй этаж. В коридоре горела мягкая ночная подсветка вдоль плинтусов. Дверь в спальню была приоткрыта — изнутри доносилось ровное, глубокое дыхание Максима. Он уснул мгновенно.

Стараясь не шуметь, она прошла в ванную комнату, примыкавшую к спальне. Роскошное помещение, отделанное светлым травертином, с огромным зеркалом во всю стену, подсвеченным по периметру теплым белым светом.

Алина умылась, сняла серьги, распустила волосы. Подняла взгляд на свое отражение в зеркале — и замерла.

В верхнем правом углу зеркального полотна, там, где свет светодиодной ленты падал под острым углом на стык стекла и каменной стены, едва заметно блеснула крошечная темная точка. Не больше булавочной головки.

Профессиональная привычка реставратора — замечать малейшие неровности фактуры, микротрещины в кракелюре, чужеродные вкрапления под слоем лака — сработала мгновенно. Алина подошла вплотную к зеркалу, прищурилась, заслонив ладонью свет от бра, чтобы убрать блик.

За полупрозрачной амальгамой, прямо в толще стены, скрывался миниатюрный, размером с косточку вишни, оптический объектив.

Кровь отлила от лица. Алина медленно отступила на шаг, чувствуя, как холод каменного пола пробирается сквозь тонкие носки.

Камера была направлена прямо на душевую кабину и центр ванной комнаты. Туда, где по условиям контракта и по клятвенным заверениям Кравцова не могло быть никакой техники.

Она повернула голову, осматривая стыки потолочных панелей, вентиляционную решетку, декоративный фриз. И там, в тени резного вентиляционного диффузора, уловила второй слабый стеклянный отблеск.

В этот момент за дверью, в спальне, скрипнула кровать. Максим повернулся во сне и что-то неразборчиво пробормотал.

Алина стояла посреди залитой светом ванной, глядя на крошечную черную точку за стеклом, и впервые за вечер отчетливо поняла: их не просто изучают. За ними охотятся. И самое страшное заключалось в том, что проект этого дома от первого до последнего чертежа создал её собственный муж.

Глава 2. Слепая зона

Утро пришло в резиденцию серым, тяжелым рассветом. Небо над озером заволокло плотной пеленой низких туч, обещавших скорый снег, а вода внизу потемнела до цвета мокрого сланца.

Алина почти не спала. До самого утра она лежала на краю огромной кровати, глядя в потолок и прислушиваясь к тишине дома. Несколько раз ей казалось, что в стенах раздается едва уловимый механический шорох — словно где-то в пустотах между перекрытиями бесшумно поворачиваются сервоприводы. В самой спальне она не нашла ни одной скрытой линзы, хотя обошла комнату по периметру, пока Максим спал, проверяя каждую розетку и каждый светильник фонариком с прикроватной тумбы.

Но камера в ванной была реальной. Она видела её собственными глазами.

Утром, за завтраком, Алина внимательно наблюдала за мужем. Максим выглядел отдохнувшим и полным энергии. Он уже успел сбегать на пробежку по расчищенной дорожке вдоль берега, принял душ — в той самой ванной комнате, под прицелом невидимого глазка — и теперь с аппетитом ел яичницу с беконом, листая на планшете технические графики энергопотребления дома.

— Потрясающая эффективность, — бормотал он, постукивая пальцем по экрану. — Тепловой насос вытягивает из озера достаточно энергии, чтобы отапливать все четыреста квадратов при минимальном расходе электричества. Кравцов не пожалел денег на оборудование.

Алина сделала глоток остывшего кофе, поставила чашку на стол и спросила как можно спокойнее:

— Макс, когда ты передавал рабочую документацию по «Авроре», ты контролировал монтаж инженерных сетей?

Он поднял на неё взгляд, чуть нахмурившись:

— Нет, конечно. Я сдал архитектурный и конструктивный разделы. Вся начинка «умного дома» — это закрытые разработки холдинга Кравцова. Они никого из сторонних специалистов на объект не пускали, даже меня до вчерашнего дня. А что?

— В ванной комнате при нашей спальне стоит камера, — прямо сказала Алина, глядя ему точно в глаза.

Максим замер с вилкой в руке. Секунду он смотрел на неё с полным недоумением, затем медленно опустил приборы на тарелку.

— Что значит «стоит камера»? Там нет открытых модулей. Я проверял еще вчера вечером.

— Она спрятана за зеркалом. И еще одна — в вентиляционной решетке.

Лицо Максима изменилось. Беспечная расслабленность мгновенно исчезла, сменившись жесткой, профессиональной сосредоточенностью. Он резко встал из-за стола.

— Покажи.

В ванной комнате он потратил на поиски меньше минуты. Включил фонарик на планшете, приложил экран вплотную к зеркалу под углом — и тихо, сквозь зубы выругался.

— Сукины дети, — выдохнул он, отступая от стены. На скулах заходили желваки. — Это микрообъективы с инфракрасной подсветкой. Они ставят такие на промышленных объектах для контроля доступа.

— Зачем они здесь, Макс? — тихо спросила Алина, прислонившись плечом к дверному косяку. — Кравцов вчера лично сказал, что спальня и ванная — слепая зона. Это прописано в седьмом пункте договора. Если они нарушили условия приватности в первый же день, мы имеем полное право расторгнуть контракт без штрафов и уехать прямо сейчас.

Максим провел ладонью по лицу, затем нервно прошелся по ванной, словно в тесной клетке.

— Подожди. Не горячись. Давай подумаем логически.

— О чем тут думать?! За нами подглядывают в душе!

— Тише, — он поднял руку, бросив быстрый взгляд на вентиляционную решетку, словно только сейчас осознал, что микрофоны здесь, вероятно, тоже работают. — Пойдем вниз. На террасу.

На открытой деревянной террасе, нависающей над водой, дул пронизывающий ледяной ветер. Алина запахнула пуховик, который накинула поверх свитера, и скрестила руки на груди. Здесь, под открытым небом, подслушать их было сложнее, хотя гарантий не было никаких.

— Слушай меня внимательно, — Максим встал так, чтобы заслонить её от ветра, и заговорил вполголоса. — Я не оправдываю Кравцова. Это скотство и прямое нарушение договора. Но давай посмотрим на ситуацию трезво. Если мы сейчас поднимем скандал и потребуем досрочного расторжения, что произойдет? Юристы Кравцова скажут, что это технический сбой на этапе пусконаладки, принесут извинения, выплатят нам жалкие десять процентов неустойки — и мы вернемся в Петербург к разбитому корыту. Через две недели банк выставит нашу квартиру на торги, а судебные приставы арестуют остатки счетов.

— Значит, мы просто сделаем вид, что ничего не заметили? — в голосе Алины прозвучала горечь. — Будем жить под микроскопом у какого-то извращенца?

— Кравцов не извращенец, Алин. Он параноик, — жестко ответил Максим. — Человек такого масштаба никому не доверяет. Возможно, он боится, что я попытаюсь скопировать его программный код или устроить диверсию на объекте, чтобы сорвать сдачу проекта. У него таких датчиков, небось, в каждом собственном доме по сотне штук натыкано.

Он взял её за плечи, заглянул в лицо. В его глазах читалась почти отчаянная мольба.

— Мы знаем об этом. Это наше преимущество. В ванной будем заклеивать вентиляцию и накидывать полотенце на зеркало под предлогом, что оно потеет или мешает. Осталось двадцать девять дней. Всего четыре недели, Алин. Ради нашего будущего. Пожалуйста.

Алина смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается знакомая, изматывающая усталость. Она знала этот взгляд. Точно так же он смотрел на неё пять лет назад, когда уговаривал подписать документы о страховой выплате после пожара в мастерской — том самом пожаре, в котором сгорели три бесценных полотна из частной коллекции и бесследно исчезла её младшая сестра Лена. «Не лезь в это, следователи сами разберутся. Если мы сейчас начнем ворошить это дело, нас разорят исками», — говорил он тогда. И она послушалась. Подписала. А потом пять лет просыпалась по ночам от запаха гари и чувства вины, разъедающего душу.

— Хорошо, — тихо произнесла она, отводя взгляд в сторону темного леса на противоположном берегу озера. — Но если я замечу хоть что-то еще, Макс... Мы уедем. И никакие миллионы меня не удержат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.